

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ

Александр Михайловский

В XX в. появился новый тип войны и вместе с ним — новый тип мобилизованного интеллектуала. Первая мировая война, или Великая война, стала одной из самых народных (популярных) войн в мировой истории; европейские народы после продолжительного мирного периода обнаружили невиданную прежде готовность к мобилизации. «Тотальная мобилизация» не оставила в стороне и интеллектуалов. Распря разделила Европу земляными и духовными окопами противостоящих друг другу фронтов. 2 августа 1915 г. Г. Лукач, которому грозил призыв на военную службу, писал: «20 сентября решится, уничтожит меня молах милитаризма или нет. (Мой друг Эмиль Ласк, профессор Гейдельбергского университета, погиб на фронте в мае этого года.)». Впрочем, убежденные пацифисты — А. Барбюс, Э.М. Ремарк — тоже были затронуты мобилизацией: ведь воины гуманности тоже не умеют обходиться без шрапнели и газовых атак.

Вместе с тем война дала русской и европейской культуре новый опыт обретения смысла и национального еди-

нения. На основе переживания войны осмысление национального происходило в первую очередь в Германии и России — двух исторически близких странах. *Kriegserlebnis* по воздействию на немецких ученых, философов и публицистов можно было сравнить разве что только со вспышкой молнии, высветившей ключевые вопросы национального самосознания, положения Германии в мире, дальнейшей судьбы европейской цивилизации. Подобно тому как немецкими интеллектуалами был сформирован националистический комплекс «идей 1914 года» (Э. Трельч, И. Пленге, П. Наторп и др.), противопоставлявшийся «идеям 1789 года», русские философы столь же быстро отреагировали на вступление России в войну, уйдя с головой в обсуждение историософских и культурфилософских тем. Проходили дискуссии, выпускались брошюры о «духовной ситуации» и ее «проблемах». Наиболее яркие примеры — речи кн. Е.Н. Трубецкого, С.Н. Булгакова, В.Ф. Эрнана войне в «Русской мысли» 1914 г., брошюры в серии «Война и Культура»

(изд. Сытина. М., 1915), сборник статей В. Эрнана «Меч и крест» (М., 1915).

«Волею судеб России навязывается освободительная миссия; и в этой миссии она находит самое себя, свое лучшее национальное я... России нужно чувствовать, что она служит не себе только, а *всему человечеству, всему миру*», — писал кн. Евг. Трубецкой. «Вопрос о проливах» и «походе на Царьград» стал квинтэссенцией всей русской историософии и неотделимой от нее политической публицистики 1914—1916 гг. Трубецкой оправдывал необходимость национально-религиозной миссии России ссылками на ее всенародный, общечеловеческий смысл: «Россия может прийти в Константинополь только во главе всемирного освободительного движения народов». Но военный хилиазм, мессианство и миссионерство русской философии очень скоро обнаружили свою несостоятельность, не сумели превратить переживание войны в устойчивую основу для коллективного социального действия и формирования межгрупповой солидарности.

Одним словом, Великая война не стала для России событием, учреждающим национальную идентичность. С этим связан и тот факт, что ее место в исторической памяти русских несопоставимо с тем же местом, которое она занимает в исторической памяти народов Западной Европы. Самым простым и естественным объяснением могло бы послужить указание на большевистскую революцию. Она стала точкой отсчета новейшей истории России и решительно заклеимила Великую войну как «империалистическую», заместив ее позднее «Великой Отечественной войной».

Тем не менее существует и другой путь понимания, ведущий как раз через интеллектуальное (поэтико-философское) свидетельство о войне, оставленное теми, кто имел непосредственный опыт фронтовой жизни. В нем феноменологически высветился разлад между идеей и жизнью, ставший подлинно травматическим опытом целого поколения, которое в серых буднях окопной жизни и смертельном блеске артиллерийского огня узрело крах безнадежно потерянной страны.

Один из таких важных документов — эпистолярный роман Федора Августовича Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста»¹. Ф.А. Степун (1884—1945) — из тех представителей русской философии, кого принято именовать «западниками». Учился в Гейдельберге у В. Виндельбанда; один из основателей международного журнала «Логос», противостоявший неославянофилам, которые группировались вокруг журнала «Путь». С 1914 г. Степун в действующей армии. Он — прапорщик 5-й батареи 12-й Сибирской стрелково-артиллерийской бригады. Воюет в Галиции. В сражении, обернувшемся разгромом для соседней Корниловской дивизии, пострадала и бригада Степуна. Ее отвели для пополнения под Ригу, где также шли бои (июль-октябрь 1915 г.). Здесь Степун получил ранение ноги, когда молодые жеребцы понесли сани по лесу и перевернули их. Далее 11 месяцев лазаретов Риги, Пскова, Москвы, Ессентуков. Находясь в госпиталях, Степун написал и издал по настоянию М.О. Гершензона под псевдонимом Н. Лугин свой эпистолярный роман (Северные записки, 1916, № 7-9). Позже эти письма с выпущенными цензурой местами вошли в книгу, вышедшую в 1918 г. в Москве в издательстве «Задруга». Сюда же Степун добавил письма 1916—1917 гг.²

Книга Степуна — редкое для русской литературы философское осмысление пережитого фронтового опыта. Ввиду своего характера и материала она предоставляет удобную возможность для сравнения с военной прозой Эрнста Юнгера (1895—1998), командира штурмовой группы, ушедшего на войну 19-летним добровольцем. Перед нами, очевидно, два разных опыта войны — негативный и позитивный³. И в них, как в капле воды, усматривается целое.

Лейтмотив дневника Э. Юнгера «В стальных грозах»⁴ (1920) —

это ницшеанское «Да» войне, экстаз и опьянение борьбы, освобождение от повседневности, решительный разрыв с гуманистическими ценностями «буржуазной эпохи». «Наиболее ценное знание, которое вынесено из школы войны, есть знание того, что жизнь в своей глубочайшей сути неразрушима», — писал он позднее и *предостерегал от того, чтобы «принимать жизнь за нечто обычное»*.

«Стальные грозы» задумывались как «описание того, что было». Истинность свидетельства в «Письмах прапорщика-артиллериста» также коренится в акте видения и переживания войны: «Да, бесконечно много значит *видеть*» (с. 189)⁵. Но если Юнгер стремится «наделить смыслом» бессмысленное (*das Sinnlose*), понять его как «обратную сторону жизни», в которой жизнь, это стихийное начало, явлено во всей своей мощи, то Степун утверждает невозможность понимания войны: «Я всегда утверждал, что понимание есть по существу отождествление. Война есть безумие, смерть и разрушение, потому она может быть действительно понятна лишь окончательно разрушенным душевно или телесно — сумасшедшим и мертвецам» (с. 190). Перед нами коллапс философа-идеалиста, возросшего на религиозной метафизике В. Соловьева и неокантианской гносеологии. Негативный опыт войны у Степуна — опыт надлома, разрыва между жизнью и идеей. «Я согласен с Платоном, Аристотелем, Спинозой, Малебраншем, Кантом, Фихте, Шеллингом, Гегелем и Соловьевым в том, что жизнь, факт, не есть последнее, ведомое сердцу и доступное постижению» (с. 68). Жизнь *не есть нечто предельное*, рассуждает Степун, в мире, конечно, наличествует нечто «бесконечно превышающее жизнь», чему можно и должно приносить в жертву фактическую, эмпирическую жизнь. Казалось бы,

Федор Михайлович Степун

отсюда один шаг до оправдания идеи войны ссылкой на ее божественную или метафизическую роль. Но философ на фронте оказывается заложником собственной дистинкции. Задав вопрос «зачем?», попытавшись трансцендировать войну, увидеть ее смысл в чем-то другом, он закономерно приходит к ее «абсолютной непонятности»: «...В последнее время со мной все чаще случается, что я, как лошадь на оглобеля, каким-то уже одним выработавшимся прыжком выбиваюсь из этой гипнотизирующей имманентности, и тогда все кругом становится тем, что оно действительно есть, — сплошным ужасом и безумием» (с. 187).

Юнгер изображает войну как эпохальное событие. Он показывает, «что мир изменился под влиянием войны и ее последствий». В эпоху техники на историческую сцену выходит новый тип воина-рабочего, готовый соединить ценности национализма и социализма. «Мы должны были проиграть войну, чтобы выиграть нацию», — писал национал-революционер Ф. Шаувеккер. Интуиция, отчеканенная в знаменитом модернизационном концепте «тотальной мобилизации», также восходит к переживанию войны. Современная война — это война техническая, ее сражения — это «сражения военной техники» (*Materialschlacht*). Однако, несмотря на «выдающеесяся

¹ Ф.А. Степун (Н. Лугин). *Из писем прапорщика-артиллериста*. Томск: Водолей, 2000.

² Помимо писем Степуна в книгу были включены записки Б.В. Савинкова (под псевдонимом В. Ропшин) «Из действующей армии (лето 1917)».

³ То, что Юнгер сражался во Франции, а Степун — в Галиции, можно считать в данном случае приводящим обстоятельством. То же касается индивидуальных психических, возрастных или социальных различий.

⁴ Эрнст Юнгер. *В стальных грозах*. СПб.: Владимир Даль, 2000.

⁵ Ложь идеологии. «Отечественная война», «Война за освобождение угнетенных народностей», «Война за культуру и свободу», «Война и св. София», «От Канта к Крютцу» — все это отвратительно тем, что из всего этого смотрят на мир не живые, взволнованные чувством и мыслью пытливые человеческие глаза, а какие-то слепые бельма публицистической нечестности и философского доктринерства» (с. 75).

Эрнст Юнгер и Карл Шмитт в Рамбуйе, 1941 г.

значение материала», у немецкого воина-интеллектуала остается место и для индивидуального героизма. Все боевые ситуации рассматриваются как встреча «лицом к лицу» с противником. Элита штурмовых батальонов — «князья окопов с суровыми, решительными лицами». Армия предстает как форма организации мужской дружбы, священный союз мужчин-героев, готовых еже часно умереть друг за друга. Неслучайно для времени «меж двух мировых войн» — не только в Германии, но и в Европе — характерна надежда на воплощение в жизни кульгово-элитарного определения общества в форме замкнутой общности, круга или союза (круг Ш. Георге).

Степун, конечно же, далек от того, чтобы ощущать себя «пушечным мясом», нет у него и картин разлагающихся трупов, которыми изобилует «Огонь» Барбюса. В нем есть несомненное и достойное воина желание героизма и страдание от невозможности его личного осуществления. «Обидно после годового пребывания в боях... быть раненным на позиции не неприятельским снарядом, а собственными санями» (с. 112). Смерть от такой раны была бы «ненарядной смертью». Но его глубинное отношение к войне остается «отрицательным и прозаичным». Четыре раза упоми-

нается смерть «гениального Ласка». Для интеллектуала война остается угрозой.

Юнгер:

«Рота была подобна закопан- шемуся в песок животному, чьи мускулы продолжают играть, вибрируя при всей видимости внешнего спокойствия. Наступление было прыжком, приводившим в движение все силы, и только в обороне люди снова сосредоточивались друг на друге, осуществляя все оттенки общения. С человечеством их связывали тонкие нити, которые могли порваться в любую минуту... Нарастал всеобщий интерес к отдельному человеку... Эти люди со своей совместной жизнью, от которой тыл отгораживался словами „товарищество“ или „боевое братство“, не оставили дома ничего из того, что переполняло их в мирное время... Они принесли с собой то своеобразное чувство, которое схватывает лицо другого человека, его улыбку или звук его голоса в темноте и таким способом выводит уравнение между „я“ и „ты“» («Лейтенант Штурм»).

Настроение офицерства в целом — это настроение «мистически-кабацких» стихов А. Блока, едва ли совместимое с героизмом и воинственностью. «...Настоящая жизнь — жизнь вечернего отлива, отбоя. Очень это странно, но настроение призванных к „наивысшему подвигу“ сынов России трагически похоже на настроение изгнанных из России студентов-эмигрантов и политических беглецов. Та же стонущая тоска в настоящем, то же лирическое настроение, как основной душевный колорит, та же поэтизация прошедшего, та же возносящая и развращающая, спасительная и тлетворная мечтательность» (с. 77–78).

Описывая серые будни окопной войны 1915 г., Степун сетует на поголовное отсутствие умения работать над собой, распатанные нервы и загнивание на корню. Упоминание первого случая коллективного соборования в июне 1915 г. говорит скорее об обреченности, нежели о жертвенном подвиге. Так ставится под вопрос сама идея «священной войны». «Всех наших солдат ежедневно ругают самую гадкою руганью и что их постоянно бьют по лицу? Ну как же это так? Людей, доразвившихся до внутренней необходимости жертвенного подвига, да под ранец, да первым попавшимся грязным словом, да по зубам, да розгами... И все это иной раз за час до того, как бывший пошлет битого умирать и смертию сотен битых добьется чина или Георгия...» (с. 69). Катастрофичный сдвиг в настроении армии фиксируется Степуном еще в ноябре 1916 г. Он пишет к жене о той странной легкости, с которой один его собеседник поведал об убийстве нелюбимого солдатами штабного офицера в ноябре 1916 г.: «...а офицера-то этого ребята, кажись, что тут же и прикончили». Такая расправа возможна всегда; но исключительность события в том, что ничем не вызванное признание в таком убийстве в начале войны было совершенно немислимо.

Лишь однажды в дневнике Степуна встречается — при описании сражения с немцами — упоминание «монументальной картины современного боя», после которого автор печально констатирует: «У нас решительно не было никакой воз-

возможности бороться со всею этою сокрушающею массой людей, пушек и изощренных технических средств...» (с. 87). Место «сражения военной техники» у артиллериста Степуна занимает тема лошадей и конюшен. «Скучно мне страшно, писать не хочется, а потому ставлю точку и иду в конюшню» (с. 176). Сопротивление тотальной технизации мира, последние следы нравственного отношения к бытию — вот что открывается ему во взоре лошади, «которого никогда не забыть».

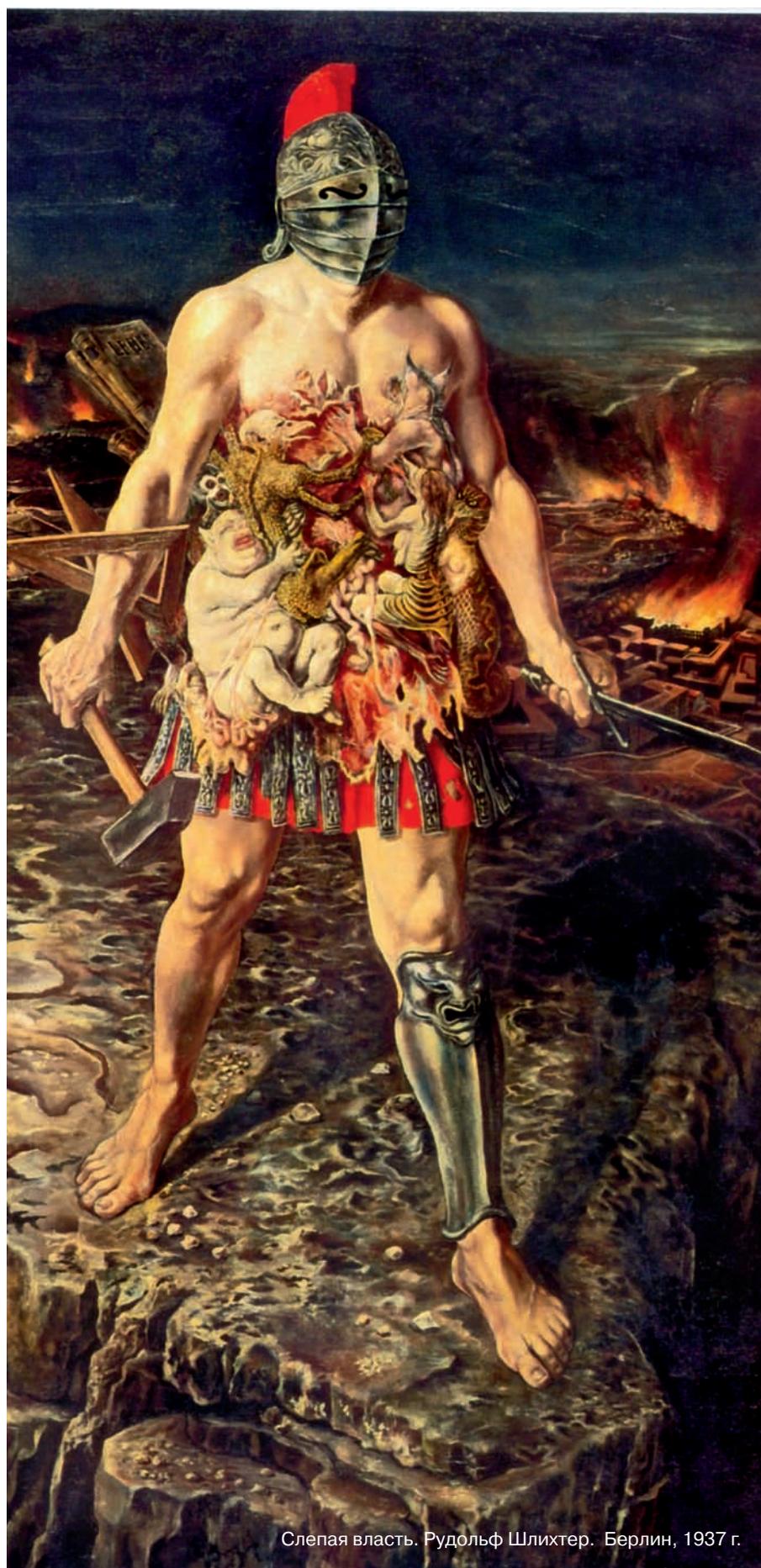
Есть соблазн свести противоположность между Юнгером и Степуном к оппозиции двух мировоззренческих установок. С одной стороны, прусская дисциплина, героический реализм, с другой — формула Достоевского «все за всех виноваты». Но нас интересует фактичность жизни, индивидуальный опыт, то «лишнее», что не вмещается в объясняющие схемы.

Степун:

«...Я знал изумительных по genialности совести солдат, которые воистину отрицали войну и воистину жалели немцев, как братьев, но одновременно вырезывали из телефонной сети и жгли вместо свечи телефонные провода, оставляя тем самым пехоту без связи с артиллерией, т.е. беззащитною перед самой простой реальной смертью. Перед лицом таких фактов иной раздумается, как бы наше русское откровение вне совести не привело бы нас к откровенной бессовестности и только» (с. 138).

«У нас в бригаде получен приказ стрелять по своим, если стрелки будут отступать без приказа. В N-й дивизии опять беспорядки и опять расстрелы» (с. 172).

Для Юнгера война становится способом обнаружения особенно в противовес гуманистическому универсализму. Степун же в очередной раз изумляется пренебрежению к жизни отдельного человека, и вера во «всечеловечность» не спасает его от «ужасной неузнаваемости

Слепая власть. Рудольф Шлихтер. Берлин, 1937 г.

Гвардии старший лейтенант В.П. Моисеев на наблюдательном пункте батареи. 1943 г.

Юнгер:

«Еще на пути к Мори я ощущал дыхание смерти, теперь ее рука держала меня совершенно явственно и грозно. Тяжело ударившись о дно окопа, я отчетливо осознал, что это действительно конец. Однако странным образом это мгновение относится к немногим, о которых я могу сказать, что оно было истинно счастливым. Точно в каком-то озарении я внезапно понял всю свою жизнь до самой глубинной сути. Я ощутил безмерное удивление, что вот сейчас все кончится, но удивление это было исполнено странной веселости. Потом огонь куда-то отступил, и, словно над камнем, надо мной сомкнулась поверхность шумящих вод».

окружающих тебя людей, одиночества проклятого трагического маскарада» (с. 186). Вместо человеческого лица возникает «темный звериный лик».

Война является Степуну в душной атмосфере клубящейся вокруг лжи; правда и жизнь находятся где-то вне ее, и книга выливается в фатальное заклинание революции (письмо от 4 марта 1917 г.).

Военный дневник Юнгера завершает телеграмма: «Его Величество кайзер присуждает Вам орден Pour le mérite. Поздравляю Вас от имени всей дивизии. Генерал фон Буссе» (22 сентября 1918 г.). Здесь два образа войны отражаются как в миниатюре. Телеграмма приходит Юнгеру (накануне «предательства» Ноябрьской революции) в лазарете после 14-го боевого ранения.

Степун начинает составлять свою книгу в макабрической атмосфере лечебницы, где наблюдает разложение нравов и исчезновение людей как субъектов воли. Он читает «Воскресение» Толстого, рядом больные играют на балалайках. А «особенно хорошо два одноруких играют на одной гармонике».

á

Не начинают войну, или, здраво рассуждая, не должны начинать, не сказав себе, чего хотят достичь с ее помощью, а чего – в ее ходе; первое является целью, второе – задачей.

Карл фон Клаузевиц, О Войне

Немецкий наблюдательный пункт, 1941—1942 год. Фотограф Функ